

MEMОРИАЛ | Родные должны знать, когда погиб и где захоронен их солдат

Долгое возвращение

АЛЁНА ЮРЬЕВА

Первыми восстановлением имён советских военнопленных, погибших в концлагерях на территории Германии, занялись, как ни странно, сами немцы.

Останки бывших советских узников были собраны и перезахоронены на аккуратных военных кладбищах, а их личные данные – занесены в электронную базу.

На территории Германии находится 3600 военных кладбищ, где покоятся останки примерно 760 тысяч советских солдат. На содержание этих мемориалов правительство Германии ежегодно тратит 25 миллионов евро. Для многих немцев – это своего рода покаяние. Родственники должны знать, когда погиб и где захоронен их солдат, считают сотрудники «Саксонских мемориалов».

Несколько лет тому назад у немецкой стороны возникла идея работать с российскими регионами. Челябинская область подключилась к этому проекту в прошлом году. Из двух миллионов южноуральцев, призванных на фронт, 600 тысяч погибли или пропали без вести. Включились в эту работу историки МГТУ, поисковики из отрядов «Феникс» и «Рифей».

По советскому законодательству только добровольная сдача в плен считалась тяжким воинским преступлением. Тех, кто попадал в плен по независящим от них обстоятельствам, в условиях, вызванных боевой обстановкой, не должны были привлекать к ответственности. Это по закону. На деле же все, кто попадал в плен, автоматически становились предателями Родины. К этой же категории негласно стали относить и солдат, считавшихся пропавшими без вести. Логика была до крайности проста: если не в строю и не в братской могиле, значит, на стороне врага.

Благодаря кропотливой работе на сегодня удалось установить имена 2073 солдат и офицеров – уроженцев Челябинской области. Среди найденных – 13 магнитогорцев.

– Работа с документами и лагерными

карточками требует тщательности и терпения, – говорит профессор Марина Потёмкина. – В некоторых случаях фамилии приходится проверять по несколько раз. Ведь малейшая ошибка может свести на нет всю работу. До 50-х годов тема советских военнопленных, впрочем, как и иностранных, в нашей стране считалась закрытой. Не было ни данных об узниках немецких лагерей, ни организаций, занимающихся этими вопросами. Родственники не знали, где и как искать пропавших солдат. Оставалось только одно – ждать. В 1957 году после пересмотра дел многие бывшие военнопленные были полностью реабилитированы. Их восстановили в званиях, вернули награды, стали выплачивать пенсии. Но всё это касалось лишь тех, кому посчастливилось выжить в плену и вернуться домой. Судьбы миллионов так и остались неизвестными...

Магнитогорец младший лейтенант Степан Висаров оказался на фронте в первые дни войны. Успел отправить жене и маленькой дочке всего несколько коротких торопливых писем. А потом – молчание. Когда ожидание достигло предела, жена лейтенанта решила искать его самостоятельно. Десятки запросов отправила в различные инстанции. Но вразумительного ответа так и не получила. После смерти мамы за поиски взялась дочь. Данные Степана Висарова обнаружились в списках военнопленных, погибших в концлагере на территории Германии. Историк Марина Потёмкина вспоминает, как вместе с представителями «Саксонских мемориалов» она перебирала все возможные варианты перевода этой фамилии с немецкого языка на русский. А потом искала его в базе данных. И нашла.

Во время поиска приходится сталкиваться с разными случаями. Так, среди прочих была найдена лагерная карточка рядового Андрея Бигеева. Из записей немецкого писаря следует, что в 1941 году ему исполнилось всего 20 лет. Повоевать он успел чуть более месяца. Затем два года

немецкого плена. Умер в 1943 году. Причина смерти неизвестна. Все эти данные со временем будут переданы родственникам, если таковые, конечно, отыщутся. Получается, что судьба человека, считавшегося пропавшим без вести, установлена. Только вот рассказать о ней уже некому: родители вряд ли живы, а семьи и детей солдат Бигеев завести не успел...

Виктора Дубских назвали в честь дяди, погибшего на фронте в самом начале войны. Была похоронка, были очевидцы случившегося. Поэтому, увидев имя и фамилию своего дяди в списках погибших военнопленных, магнитогорец Виктор Дубских не поверил глазам. После тщательной проверки информация подтвердилась: на родине солдата считали погибшим, хотя умер он в плену.

Работа по установлению имён солдат Великой Отечественной предполагает двусторонний обмен. Немецкая сторона предоставляет нам информацию о советских военнопленных, мы – о немецких. В годы войны через Челябинскую область прошло немало пленных солдат. В Магнитке они стали появляться в конце

1944 года. Венгры, румыны, закарпатские украинцы, чехи, словаки, итальянцы и австрийцы. Привозили их обмороженными, истощёнными, ранеными. Многие умерли в первые же дни.

В годы войны в Магнитогорске появилось несколько новых кладбищ с общими и «индивидуальными» могилами. Под Белой горой, в районе второй плотины. Говорят, что было где-то и ещё одно. Правда, особо информация об этом не афишировалась. Впрочем, как и месторасположение кладбищ. Хоронили на них пленных солдат и ухаживали за могилами сами пленные. По некоторым данным, военнопленные находились в Магнитогорске практически до конца 40-х – начала 50-х годов. Затем их отправили на родину. А те, кому не посчастливилось дожить до этих дней, навсегда нашли приют в магнитогорской земле.

На содержание кладбищ, где находятся 760 тысяч советских воинов, Германия ежегодно тратит 25 миллионов евро

ПИСЬМА С ФРОНТА | Они возвращали бойцов из холодных окопов к своим матерям, жёнам и детям

Как близкое и родное

ТАТЬЯНА ФАТИНА,
старший научный сотрудник краеведческого музея

Было только одно средство оторваться от фронтовой реальности и хотя бы на миг, пусть мысленно, погрузиться в атмосферу дома. Это – письма.

Вот строки из письма Н. Шарапова, работника треста «МС». На фронте он сначала служил артиллеристом, а затем – в составе музыкального взвода: «Добрый день, дорогая Нюся и сынок Геночка! Пиши, как Генка растёт... Нюся, я не могу на твоё фото насмотреться. Как никого нет, так я вытаскиваю карточку и смотрю...»

Ещё более пронзительные строки читаем в письме военврача Фариды Абдрафиковой своей матери в Магнитогорск: «Дорогая моя бесценная мамочка! Получение твоего письма так на меня действовало, что от волнения не знаю даже, как начинать писать тебе. Нежное письмо и посланные волосы, седые волосы моей родной мамы, тронули меня до глубины души! Повяло таким теплом и сердечностью, что у меня невольно на глазах появились слёзы. Очень благодарна тебе,

родная, за эти строки – первые строки за весь апрель прошлого года. Твоё письмо прочитала уже десятки раз и с особой напряжённостью стараюсь углубиться в каждую строку, почувствовать тебя по-настоящему, ведь ты пережила очень многое... Как бы хотела быть сейчас с тобой...»

Эти письма не просто передача информации. В них энергия сердца, теплоты, дух дома... Вот что пишет Александр Польских родным перед отправкой на фронт: «Сейчас уезжаем на фронт в сторону Москвы... Посылку вашу получил, теперь она будет не нужна, но взял её на фронт как близкое и родное...»

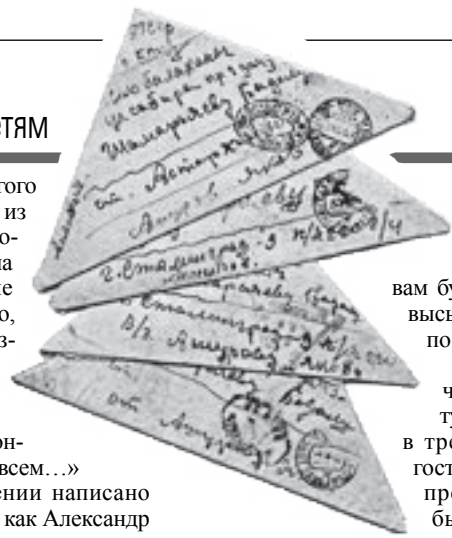
Фотокарточка жены, прядь материнских волос, присланная из дома вещь – всё это воспринималось воином как частичка родной семьи, обогревающая и согревающая в трудных условиях. Погружение в домашние заботы подпитывало фронтовиков энергией и давало силы.

Александр Смолькин пишет родным: «Опишите, как с хозяйством, привезли или нет сено, и как с описью прошли, и что осталось из скота на 42 год... Вот пока сильный холод – стравите плохое сено до оттепели. Ну, сами знаете, что делать и как быть. Больно трудно служить и семейство

всё на уме...» А вот строки из другого письма Александра Смолькина – из госпиталю, за время лечения в котором он ни одного письма из дома не получил: «Сегодня была мне комиссия, признали за здорового, а осколок вынимать не стали. Возвращают с осколком. Нутряной боли никак не признают. Руки-ноги есть – так годен к военной службе... Не знаю, чем со мной кончится, опять ранят или добьют совсем...»

Совершенно в другом настроении написано продолжение письма после того, как Александр получил открытку из дома: «Вот теперь шлю вам горячий привет и крепко целую вас, глядя на открытку...»

Письмо от Павла Шеметова: «Добрый день, милые мои голубки! Куда бы я от вас ни уехал, но забыть вас ни на час не могу. Вот сейчас я признаюсь вам, мои дорогие, – пишу вам второе письмо под шум снарядов и визг пуль, но для меня страшного нет ничего. Сейчас кормят хорошо, дают водки 200 грамм. И жизнь идёт весело. Громим противника и на днях очистили один из городов нашей родины. Клэня, я прошу лично тебя, как родную жену, не беспокойся обо мне и не расстраивай Тамару... Тамара, дорогая ученица, учись только лишь на отлично и не забывай, что твой отец – гвардеец. Тома, танк мой непобедим, а поэтому в воде мы не утонем и в огне мы не сгорим и скоро будем вместе...»

Клэня, заботьтесь только лишь о себе, кушайте как можно лучше. Денег вам будет хватать. Я буду высылать каждый месяц по 1000 рублей».

Тоска по дому у чувствительных натур иногда выливается в тревожные сны и тягостные, изматывающие предчувствия, может быть, и не имеющие под собой почвы. Сталевар Алексей Грязнов писал своей дочери:

«Милая дочка! Я часто вижу тебя во сне. Но вижу, почему-то, всё маленькой, в красном бархатном пальто или в маленьком платьице. И обязательно ты ко мне бежишь. А я тебя хватаю на руки и поднимаю выше головы. Скучаю по тебе очень...»

Тревожные строчки читаем и в письме Павла Савина: «Мне на днях приснился сон, что я от вас получил телеграмму, в которой прочитал только одно нехорошее слово – умерла. А кто – так и не знаю. На этом и проснулся».

Письма с фронта – разные. Не похожи друг на друга их авторы, но лейтмотивом каждого послания может быть строка в одном из пожелавших треугольников: «Душа болит за вас, родные...»

На сегодня удалось вернуть из небытия более двух тысяч солдат и офицеров, ушедших на фронт из нашей области